

ЕВГЕНИЙ
ЛЕСИН

Кормление уток
на берегу реки
Сходни

московские
ПОЭТЫ

Евгений Э. Лесин
Кормление уток на берегу
реки Сходни (сборник)
Серия «Московские поэты»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43660731

*Кормление уток на берегу реки Сходни: ИПО «У Никитских ворот»; М.;
2018*

ISBN 978-5-00095-701-1

Аннотация

Ответственный редактор «НГ-ЕЛ», поэт, прозаик, критик, автор книг «Записки из похмелья», «Русские вопли», «Легенды и мифы Древней Греции» и др. Евгений Лесин (р. 1965) выпустил новый сборник стихотворений. Как сообщает издательская аннотация, «в отличие от предыдущих сборников здесь нет ни мата (совсем), ни политики (почти)». Главная тема книги – это своего рода «плач Ярославны» по уходящей, во многом уже ушедшей Москве. И не только плач и ностальгия: лирический герой иронизирует, ерничает, негодует...

Содержание

«Семья и работа, сплошные заботы...»	5
«Снег выпал. И сразу – свободы глоток...»	7
«Ты лежала сонная...»	8
«Кто-то просто нищий, кто-то нищий духом...»	10
«А у вас тут опять: ну и ну...»	11
«На Лазаревом проезде...»	12
«Фонтенбло, товарищ президент...»	13
«Во рту застревают слова...»	15
«Москва протягивает ножки...»	16
«Ехали цыгане – не догонишь...»	18
«В мышеловке переучет...»	20
«В Трое плохая погода...»	21
«Каждой девочке хочется стать...»	23
Кормление уток на берегу реки Сходни	24
«У Москвы опять простуженный вид...»	26
«Твой любовник скоро выйдет на свободу...»	28
«И удали нет молодецкой...»	29
«По городу еду в трамвае...»	30
«Снежная королева живет в Кремле...»	31
«Лежат предатели в траве...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Лесин

Кормление уток на берегу реки Сходни

© Лесин Е., 2018

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2018

«Семья и работа, сплошные заботы...»

Семья и работа, сплошные заботы,
Никак не улажу и не разберусь.
Живут за границей загранипатриоты
И хвалят прекрасную матушку-Русь.

Истошные вопли: «Измена, измена»
Я слышу, хотя понимаю с трудом.
Другого-то нет у меня Карфагена,
И я не могу свой покинуть Содом.

И если вам кажется – редкая смелость —
Чужое правительство очень смешным,
Пожалуйста, смейтесь, а мне расхотелось,
И я только плачу, и то над своим.

Победа рекламных огней пропаганды.
Вам партия светит – ум, совесть и честь,
Когда фонари не горят, а гирлянды
Сияют повсюду, и нечего есть.

Зато есть и счастье, и даже свобода
Сказать, как хорош господин президент.
И как замечательна новая мода:

На голый асфальт навалить реагент.

Эксперты расскажут про квоты и льготы,

Про то, что соседи друг друга едят...

Живут за границей загранипатриоты

И как-то не очень стремятся назад.

«Снег выпал. И сразу – свободы глоток...»

Снег выпал. И сразу – свободы глоток.
И сразу – январская сила.
На Чистом пруду очищают каток.
Зима, что ли, вдруг наступила?

Все снегом покрыто. Нужны ли слова?
Светло наконец-то, ребята.
Как будто в Россию вернулась Москва.
И год где-то 75-й.

Снег выпал. И сразу вернулся уют.
Попрятались черные банды.
И даже гирлянды не так достают,
Проклятые ваши гирлянды.

Снег выпал, а власть – ну хоть в чем-то права —
Пока не очнулась, спасибо.
Как будто в Россию вернулась Москва,
Как будто вернулась в Россию.

«Ты лежала сонная...»

Ты лежала сонная,
Как Большая Бронная.
Колыханье дуновений,
Благовоннолонная.

Говорили пленные:
Нам нужны пельменные,
А не то вести не будем
Речи откровенные.

Ванная не ванная,
Манна не желанная.
Смена вех в прямом эфире
И война диванная.

Слабая и тленная,
Потому и ценная,
Я всегда тобой люблюсь,
Оболочка брменная.

Власти незаконные,
Господа поклонные
И созвездия сияют
Вечно благосклонные.

Жизнь идет отменная,
Вся Кривоколенная.
Первым делом колыханья,
А потом – вселенная.

«Кто-то просто нищий, кто-то нищий духом...»

Кто-то просто нищий, кто-то нищий духом,
Кто-то люто верит местному ТВ.
Кто-то верит богу, кто-то верит слухам,
Что живем не в Грозном, а еще в Москве.

У кого кормушка, у кого погоны.
У меня Россия, я-то в ней живу.
Тушинских трамваев польские вагоны
Ехали на Сокол в серую Москву.

У кого в Брюсселе вилла или в Риме.
Так бывает часто, если патриот,
Голосуешь сердцем за святое имя,
Если не предатель, если за народ.

А народ уткнулся: кто-то в телефоны,
Кто-то за окошко – в неба синеву.
Тушинских трамваев польские вагоны
Ехали на Сокол в серую Москву.

«А у вас тут опять: ну и ну...»

А у вас тут опять: ну и ну.
Полусладкое кажется брютом.
Клеветать на родную страну
Еду в «Татре» я третьим маршрутом.

У меня за окном красота,
А у вас – как под елкой наврали.
Даже снег ведь у вас – клевета.
И не выпал. И сразу убрали.

За окном замечательный вид.
Снег лежит по бульварам обильно.
Пассажир за спиною храпит.
Похмелился, наверное, сильно.

По Москва-реке прет ледокол,
Проявляя ненужную силу.
Даже если пишу я про Кельн,
Все равно я пишу про Россию.

Примечание. Для тех, кто за рулем: лирический герой едет в трамвае Татра ТЗ, маршрут № 3, а не бомбит без страха и упрёка на автомобиле (есть же, поди, еще и автомобили «Татра»?). Конец примечания.

«На Лазоревом проезде...»

На Лазоревом проезде
Драка в рюмочной «Уют».
Дураки всегда на месте.
Нам сегодня тут нальют.

Возле Яузы стояли,
Выпивали на снегу.
Мир чудесен в идеале,
Ну а я так не могу.

Говорят, что много чести,
Говорят, не тот маршрут.
На Лазоревом проезде
Драка в рюмочной «Уют».

«Фонтенбло, товарищ президент...»

Фонтенбло, товарищ президент,
Как же задолбало, извините.
Прекратите сыпать реагент.
Сколько можно? Хватит, прекратите.

Понимаю: сыпете не вы.
Даже не по вашему приказу.
Хватит, глядь, на улицы Москвы
Сыпать ядовитую заразу.

Помоги, глава ЛДНР,
Защити, глава Чечни, законом,
Выручайте, мэр или премьер,
Дума, Крым, Валерия с Кобзоном,

НТВ и Радио ментов,
Все, кто горд за Родину и Халка,
Стас Михайлов или Михалков,
Извините, правильно – МихАлков.

Кто у нас главнее всех живых
В рамках современного момента?
Не могу на улочках кривых

Видеть я сугробы реагента.

Заходите, граждане, в сарай,
Здесь украдкой можно помолиться.
Господи, спаси и покарай.
А к кому еще тут обратиться?

Примечание. Выбор первого слова – в силу запрета мата – был очень сложен. Остановился на Фонтенбло. Красиво, а смысл такой же: очень надоело, аж фонтенбло. И, разумеется, никакого отношения к современным российским реалиями данная лирическая фантазия не имеет. Все персонажи вымышлены от первой до последней буквы. Конец примечания.

«Во рту застревают слова...»

Во рту застревают слова,
И в городе меньше свинины.
Европа и даже Москва
Построены не из резины.

Морская волнуется гладь.
Капусту не вытеснит репа.
И некому рук не пожать,
Давно все и лепо, и крепо.

Татаро-монголы идут,
Бурято-якуты взлетели.
Селькупы взошли на редут.
И вепсы гуляют без цели.

А нам улучшают Москву
Да так, что почище Эболы.
Татаро-монголы, ау,
Спасите, татаро-монголы...

«Москва протягивает ножки...»

Москва протягивает ножки.
Застыли Кафка и Дали.
Какие к дьяволу бомбежки?
Тут экскаваторы пришли.

Для процветания России,
А не разрухи в голове,
Они киоски поносили
По всей страдалице Москве.

Пора считать зарплату в центах.
Какие доллары для нас?
Зато в пустых торговых центрах
Не будет пусто, как сейчас.

Разнообразною толпою
В ТЦ, где рай и благодать,
Мы все придем за шаурмой.
А что еще там покупать?

Портрет царя не помогает.
Хоть вы за Родину горой,
Вас высшей мерой награждает
Мострибунал за самострой.

На Мавзолее в ус не дуют,
Зато идут в Охотный ряд,
Где ипотечники бунтуют
И дальнобойщики бузят.

Снесут кремлевские палаты,
Как самострой наверняка.
Не улетит он от расплаты,
Орел двуглавый табака.

Кругом великие победы.
Везде и всюду. От и до.
А палачи и людоеды
Возмущены шарли эбдо.

«Ехали цыгане – не догонишь...»

Ехали цыгане – не догонишь.
Пели они песни – не поймешь.
А у нас опять бомбят Воронеж,
Так, что вся Москва идет под нож.

Посносили, гады, в самом деле.
Все прошло, как с яблонь белый дым.
Золотые кудри поседали,
Мы у края пропасти стоим.

Можно даже крыть с трибуны матом,
Улучшая скрепы днем с огнем.
Доллар тихо падает домкратом.
Ты меня не спрашивай о нем.

Никогда не видел я Мадеру.
Лабутены вышли из могил.
Потеряли истинную веру,
А Москву в ответ бомбит игил.

Я спросил сегодня депутата
В рюмочной, теперь мне не до сна:
Что же Грановитая палата?
Почему еще не снесена?

Прикорну с чекушкой у Царь-пушки,
Где не отцветает дрын-трава.
Спички, как известно, не игрушки,
То ли дело старая Москва.

Посносили, гады, посносили.
Западу тлетворному урок:
Не было столицы у России,
Был один коммерческий ларек.

Вроде все разбито и распято,
Но и недоделки есть порой.
Там, где был бассейн «Москва» когда-то
До сих пор остался самострой.

«В мышеловке переучет...»

В мышеловке переучет,
Зачищается мышеловка.
Как подорванная течет,
У «Нагорной» река Котловка.

На иконе смеется лик,
Лают громко телеканалы.
Для удобства всегда в час пик
Увеличены интервалы.

Возле озера Иссык-куль
Воют вепсы толпою дружной.
Взорван северный вестибюль
Бестолковой станции «Южной».

Да идите вы все в звезду.
Я для блага родного крова
Баллотироваться пойду
В мэры города Королева.

«В Трое плохая погода...»

В Трое плохая погода
И не горят фонари.
Вышли мы все из народа,
Даже вожди и цари.

Кончились глупые драки
Возле пустого кремля.
Мне бы дойти до Итаки,
Что мне чужая земля?

Что мне чужая икона,
Гнев опостылевших стен?
Всякого там Посейдона
Или каких-то сирен?

Вам бы забиться в бараки,
Холодно вам тут зимой.
Мне бы дойти до Итаки,
Мне бы вернуться домой.

Где виноград и маслины,
Где я давно не бывал...
Но попадаю в Афины
Или на Курский вокзал.

«Каждой девочке хочется стать...»

Каждой девочке хочется стать
Проституткою или моделью.
Чтоб гордиться родною панелью
И порадовать старую мать.

Раньше мальчики шли в первый класс,
А мечтали идти в рэкетеры.
Но меняются ориентиры:
Все в коллекторы рвутся сейчас.

Я бы тоже коллектором стал,
Раз меня не пускают в масоны.
Где кальсоны, а где патиссоны,
Как попасть мне на Курский вокзал?

Ветер ходит внутри парусов.
Хорошо украинским ученым.
Да, мне нравились девушки в черном,
Но теперь я люблю – без трусов.

Кормление уток на берегу реки Сходни

В телевизоре хорошие вести:
Рублик снова подрос и окреп.
Кто-то выставил сумки в подъезде,
Ну а в них – запакованный хлеб.

Видно, свадьбу отметить решили,
А невеста, убив жениха,
Убежала с любовником в Чили
Продавать дорогие меха.

Не случилось разгула и пьянки,
Вот и вынесли свадебный стол.
Взял я хлеба четыре буханки
И на Сходню к оврагу побрел.

Где-то плещется теплое пиво,
Кто-то в спину стреляет врагу.
Утки, крякая нетерпеливо,
Ждут меня на моем берегу.

Крылья плещут, волнуются спины,
Утки так увлеченно галдят,
Что хватают меня за штанины

И обратно к реке не хотят.

Плохо – не было свадьбы и пьянки.

Утки злобно в ответ: «Хорошо!»

Я скормил им четыре буханки

И еще за добавкой пошел.

«У Москвы опять простуженный вид...»

У Москвы опять простуженный вид.

Ярко-красная она от реклам.

Мэри Поппинс никуда не летит.

Мэри Поппинс принимает ислам.

Мэри Поппинс объявляет джихад

Средь коленопреклоненной Москвы.

Уважайте, говорит, мой обряд.

Мои чувства оскорбляете вы.

Тем, что просто вы живете в Москве.

Тем, что нету у меня ни рубля.

Вы лежите у меня на траве

И живете на планете Земля.

Вы должны меня кормить и гореть.

И гореть в аду огромной страны.

А потом вы все должны умереть.

Мы всегда им почему-то должны.

Мэри Поппинс объявляет джихад.

Толерантно, говорит, тут у вас.

Скоро будет тут у вас город-ад.

Так и надо вам. А мне – в самый раз.

«Твой любовник скоро выйдет на свободу...»

Твой любовник скоро выйдет на свободу.
Да и срок-то небольшой: 16 лет.
Не давайте, люди, ходу пароходу,
Не ходите, где театры и балет.

Говорят, весна идет, весне дорогу.
Говорят, что где-то в центре есть Арбат.
Говорят, мы все учились понемногу,
Скоро листья и трава заговорят.

Говорят, а ты не слушай, люди брешут,
Люди брешут, ветер носится пургой.
Я тебя уже, наверно, не зарежу,
Все другое, да и я уже другой.

Твой любовник скоро выйдет, а в России
Все меняется, Россию не узнать.
Только в Тушине рассвет такой же синий.
И скрипит всегда предательски кровать.

«И удали нет молодецкой...»

И удали нет молодецкой,
И мудрости нет от седин.
В шашлычной на «Новокузнецкой»
Сижу потихоньку один.

Мне в тягость? Да нет, мне не в тягость.
С похмелья почти что азарт.
Вот если бы только не август,
Который давно уже март.

К зиме пристает чикатила,
Склоняет к последнему сну:
Весна тут опять наступила.
Да ну ее, вашу весну.

«По городу еду в трамвае...»

По городу еду в трамвае.
Волнуется море огней.
Как принято в Древнем Китае,
Сожгут экипаж и коней.

Мы – кони. А бедная наша
Страна для Него – экипаж.
Пустая граалева чаша
Не красит унылый пейзаж.

Охотный, а может, Каретный,
А может, Фурье. Не нужны
Ряды на полях межпланетной
И междоусобной войны.

Бегут осмотрительно Лоты
За МКАД от нелегкой судьбы.
Кружат над Кремлем вертолеты.
Стоят соляные столбы.

«Снежная королева живет в Кремле...»

Снежная королева живет в Кремле.
Изучает Россию без микроскопа.
Кай составляет фразу «Рай на Земле»,
А получается... Правильно, Пенелопа

Ждет второго пришествия. Остров Крым
Готовится к праздничному джихад-параду.
Мне приснилось, что я в Ленинграде.

Сквозь белый дым
Иду по солнечному Ленинграду.

На Дворцовой киоски – вплоть до Зимнего —
снесены.

Город преобразился после лечения.
В Снежную королеву все влюблены.
Герда работает в Министерстве полного улучшения.

«Лежат предатели в траве...»

Лежат предатели в траве.
Их ненавидит население.
Деревья губят по Москве:
Озелененье.

Сбылись прекрасные мечты.
И сны о счастье не забыты:
Киоски ТАТ не снесены,
Зато закрыты.

Уюта нет, покоя нет,
Эмблема радости на роже.
Ларьки с названьем «Туалет»
Закрыты тоже.

Я рад велениям судьбы,
Горжусь великою державой.
Какие кадки! И гробы!
В золотоглавой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.